

**ПАМЯТИ
СЕРГЕЯ ИСАЕВИЧА ГОЛОДА
(16 февраля 1935 - 26 января 2013)**

Сергей Исаевич Голод не дожил до своего 78 года рождения двадцать дней. Для многих обществоведов он стал классиком в отечественной социологии семьи и сексуальных отношений еще при жизни. Этот статус он завоевал своей работоспособностью, яркими трудами, а также научной бескомпромиссностью, отстаиванием своего научного «Я» не только в дискуссиях, но и в борьбе с административным пониманием правильного в науке.

С.И. Голод оказался одним из первых отечественных исследователей социологии сексуальности. Его работы конца 1960-х – начала 1970-х годов были без преувеличения пионерными, восстанавливающими прерванную в 1930-е годы практику изучения сексуальных отношений. В основном Голод концентрировался на проблемах молодежной сексуальности. Обобщающим трудом его штудий явилась монография «Что было пороками, стало нравами» (2005) [1].

Уже в постперестроечные годы, когда изучать «прикровенное» стало в общественном сознании столь же естественным, как и «традиционные» объекты социального, исследованиям социальных проблем сексуальности отводился статус в значительной степени маргинальных. В аннотированной библиографии отечественных публикаций на русском языке, включающей и иностранных авторов, зафиксировано всего 187 источников, из них 8 принадлежат С.И. Голоду [2].

Но, по нашему мнению, наибольший вклад Сергей Исаевич внес в развитие отечественной социологии семьи. Его концепция исторических типов семейных отношений стала одной из ведущих в теоретических и эмпирических исследованиях семьи. Наиболее полно она изложена в его книге «Семья и брак: историко-социологический анализ» [3].

Суть концепции состоит в том, что основное внимание уделяется структуре и характеру внутрисемейных отношений, конституирующих семью, — свойства и кровного родства (порождения) — в их исторической динамике. При этом учитывается влияние исторических тенденций общественного развития в целом, с одной стороны, и исторического развития индивидуальности, — с другой.

По Голоду, процессы и явления, происходящие в брачной, сексуальной и репродуктивной сферах и обнаруженные к середине XX столетия, — тенденции к снижению рождаемости, малодетности и сознательной бездетности; массовое распространение добрачной практики сексуального поведения молодежи; рост доли добрачных зачатий первого (нередко единственного) ребенка и «неполных» семей — уже не могут интерпретироваться однозначно как отклонения от нормы, а должны скорее рассматриваться как признак существенных и необратимых эволюционных сдвигов в самом институте семьи.

С начала XX в. интенсивно переосмысливается значимость сексуальности, что способствует зарождению новой системы ценностей и отношений. Голод фиксирует эти симптомы фундаментального процесса, суть которого — автономизация матримониального, сексуального и прокреативного поведения.

Сергей Исаевич рассматривает семью как совокупность индивидов, состоящих по меньшей мере в одном из трех видов отношений: кровного родства, порождения, свойства. Доминирование одного из названных отношений и его характер (от половозрастной зависимости — до соответствующей автономии) могут служить критериями, определяющими исторический этап эволюции моногамии. Исходя из этой логики И.С. Голод сконструировал следующие идеальные типы семейных отношений: патриархальный (традиционный), детоцентристский (современный), супружеский (постсовременный). В настоящее время, согласно рассматриваемой концепции, все эти типы функционируют параллельно, образуя широкий спектр моделей.

В патриархальной семье на протяжении многих веков доминировали кровнородственные отношения, явная зависимость жены от мужа, абсолютная родительская власть и авторитарная система воспитания. Детоцентристская семья, по убеждению автора концепции, — явление индустриального общества. Начиная с первых десятилетий XX века общество медленно, но неотвратно шло по пути защиты

интересов ребенка. Детоцентристский тип, считает С.И. Голод, — также существенный шаг в трансформации моногамии, ибо повышается материальная и духовная забота о детях.

С.И. Голод считает, что адаптация отражает внешний поведенческий слой отношений, и уточняет понятие «интимность» (*intimus* — «внутреннее») применительно к индивиду и супружеству: интимизация индивида характеризуется усложнением его внутреннего мира, самоконструированием, самоактуализацией; иными словами, происходит индивидуализация человека, выделение его в качестве специфической единицы. По мнению С.И. Голода, ценности адаптации и интимности не просто сосуществуют, но и составляют единую иерархическую структуру, объединяющую мужа и жену и по внешнему поведенческому контуру, и по внутриличностным каналам, образуя особый частный стиль жизни. Характер же межпоколенных отношений приоткрывает возможность для дифференциации детоцентристских моделей семьи. Собственно говоря, критерием выступает мера эмансипации детей от родителей, в частности, переход от монологического к диалогическому принципу отношений между поколениями. Отсюда выводятся и формы детоцентристской семьи: авторитарная, амбивалентная и квазиавтономная.

С.И. Голод расценивает движение от публичности к приватности как одно из фундаментальных, определяющих лицо современной цивилизации. По его мнению, сочетание двух эмансипаторских движений (освобождение детей от родителей и женщин от мужчин) содействовало возникновению постсовременного типа семьи. В этом типе семьи стратегические отношения определяются не родством (как в патриархальном) и не порождением (как в детоцентристском), а свойством. Муж и жена отказываются безоговорочно подчинять собственные интересы интересам детей; сексуальность не сводится к прокреации; в супружеские отношения проник эротизм, акцентируемый как ключевой момент постсовременной семьи.

В XX в. наряду с моногамными типами получил распространение и ряд новых моделей. По мнению Голода, с определенной долей условности «нетрадиционные», то есть в том или ином качестве отличные от классической моногамии модели, могут быть сведены к следующим: а) внебрачные семьи (неполная (*incomplete*) и материнская (*maternal*) семьи); б) альтернативные стили (имеются в виду фактические браки (*cohabit*), «последовательная полигамия» (*remarriage*) и семья с неродными родителями (*stepfamily*) и в) собственно альтернативные браки (это модели полигамии, а в рамках русской культурно-исторической традиции — бигамии, предполагающей варианты — один мужчина и две женщины или одна женщина и двое мужчин).

Принципиально важная особенность концепции исторических типов семейных отношений, разработанной С.И. Голодом, на наш

взгляд, заключается в том, что она допускает функциональные рассуждения, а также открыта к взаимодействию с концептуальными построениями смежных дисциплин. Современное отечественное теоретизирование демонстрирует существенное влияние этой концепции. Очевидны как явные, так и латентные рецепции, связанные с идеей конкретно-исторической констелляции базовых отношений (кровного родства, порождения, свойства), зависимости их характера от соотношения адаптации и интимности, публичности и приватности. Это задает типологическое пространство в осмыслении семейных отношений и форм¹.

Мало известна административно-научная сторона деятельности С.И. Голода. Между тем для петербургского профессионального сообщества она оказалась весьма важной и в чем-то революционной. Можно даже утверждать, что в «локальной» институционализации социологии² роль Голода оказалась кардинальной. Безусловно, социология в Петербурге была. Еще в 1989 году в университете открылся факультет социологии. А до этого существовали отдельные социологические подразделения в Академии и вузах города. Профессиональная ассоциация — Санкт-Петербургская ассоциация социологов — тоже была. Однако говорить о состоявшемся (или полностью институционализировавшемся) социологическом сообществе было явно преждевременно. Неразвитыми были такие столь важные на первой стадии институционализации науки субинституты, как профессиональная периодика, профессиональная коммуникация, профессиональные организации [5]. Академический социологический институт в своем становлении замер на полпути. Голод это отчетливо понимал. Важным было и то, что он не был одинок. Одним из его единомышленников, активно участвующих во всех начинаниях Сергея Исаевича, был Игорь Анатольевич Голосенко.

Работа шла по нескольким направлениям. Среди первых начинаний было создание «Журнала социологии и социальной антропологии». Идея была достаточно простой — сделать современный журнал, открытый для дискуссий и новых идей, но при этом высокопрофессиональный. Сил академического института было явно недостаточно. Вопреки существовавшему и культивировавшемуся мифу о «продвинутой» петербургской социологии и «Ленинградской социологической научной школе», людей, могущих написать хорошую профессиональную статью, было не столь много. Кроме того, современная

¹ Надо отметить, что иностранные исследователи приходят к схожим представлениям. Например, конструкции известной исследовательницы Чигдем Кагитчибаши во многом совпадают с голодовскими. См., например: [6].

² Термин заимствован у Януша Мухи, см. [8].

бурно растущая российская социология, впитывавшая зарубежный опыт и идеи, сильно диверсифицировалась. Появились новые научные направления, которые развивались в иных институциях. Необходима была площадка научной коммуникации, обмена идеями, которая бы позволила здесь, в Санкт-Петербурге, делать социологическую науку и участвовать в общероссийском социологическом процессе.

Данфорт Росс, анализируя организационные основания инновации, указывает на важные три момента: ресурсы, необходимые для новых программ, давление, принуждающее к инновациям, и институциональные властные структуры [7]. Что было в достатке, так это давление обстоятельств и контекста. В новых постсоветских условиях конкуренция в профессиональном сообществе значительно возросла. То, что называется, требованием времени, стало просто очевидным, а отставание и отечественного, и локального социологического сообществ выбрасывало их на периферию мировой науки неизбежно. Создание «островков» социологической современности в виде Европейского университета и других подобных институций только усиливало маргинализацию основной массы социологов. Сергеем Исаевичем это воспринималось болезненно. Финансовых и материальных ресурсов же было маловато. Западные фонды с охотой сотрудничали только с «независимыми» структурами. Административных и кадровых ресурсов для начала серьезного дела также не вполне хватало. Поэтому объединение усилий с факультетом социологии Санкт-Петербургского госуниверситета было вполне естественным и логичным шагом.

Процесс был не быстрый, тем более что существовала определенная настороженность между факультетом и институтом. Первая встреча «заинтересованных сторон» произошла в конце 1996 года. На ней присутствовали помимо С.И. Голода со стороны института И.А. Голосенко и А.В. Дука, факультет представляли А.О. Бороноев (тогдашний декан) и В.В. Козловский, ставший затем главным редактором журнала. Первый номер вышел только в 1998 году. Журнал получился и институтско-факультетским, и неинститутско-факультетским. В этом есть некоторый парадокс и основания для конфликтов. И в Социологическом институте, и на факультете социологи СПбГУ с самого начала были критики, говорившие, что мало журнальных страниц дается для текстов сотрудников и преподавателей этих институций. Были попытки давления. Голод как один из создателей журнала и член его редколлегии постоянно защищал автономию издания. И это получилось.

К 1996 г., когда Сергей Исаевич стал директором Санкт-Петербургского филиала Института социологии РАН, положение здесь было внешне благополучным. Однако довольно быстро выяснилось, что есть проблемы хозяйственные (помещение, финансирование

и т. п.), организационные (не всё идет как надо), административные («иллюзия автономии филиала», как выразился Голод, и зависимость от головного института), научные (не всё у всех хорошо с выполнением академических планов). Последние две проблем напрямую объективно были связаны с институционализацией петербургской социологии, а субъективно (в понимании Голода) — с созданием российского по значению, но расположенного в Санкт-Петербурге, академического института. В апреле 1999 г. на общем собрании сотрудников он четко и кратко определил задачу: необходимо развивать академизм, который он понимал как фундаментальность, неангажированность, междисциплинарность и сравнимость научных исследований. И совершенно в духе таким образом понимаемого академизма он сказал, что примером для подражания в этом деле является М.В. Ломоносов. Аршин, безусловно, не общий. Этот максимализм Сергея Исаевича, конечно, не мог быть принят всеми.

Как отмечают исследователи, в определенных условиях организация может быть мобилизована вокруг инициатив по изменению неблагоприятного положения, инноваций и их внедрений [4]. В данном случае в большей степени мобилизовались сторонники сохранения прежней ситуации. Кстати, на упомянутом уже собрании Голода обвиняли в незаинтересованности в развитии института, некомпетентности, безответственности. Обвинения шли от сотрудников, которые в прошлом имели заслуги и связывали себя с «Ленинградской научной школой». Но обстоятельства были таковы, что научная результативность их уже была невысока, что показывал анализ публикационной активности, получения грантов. Однако были сильны связи (в том числе в Москве) и сильно желание сохранить значимость в символическом пространстве. Это достаточно примечательная история борьбы за институт. Любопытно то, что тактически выиграли обе стороны, но стратегически нет.

Через три года после начала своего директорства С.И. Голод и его команда смогли приблизиться к практическому воплощению того, что Сергей Исаевич называл «голубой мечтой ленинградских / петербургских социологов» — созданию автономного социологического института. Прошло множество встреч, консультаций. Здесь большую помощь оказывали В.А. Ядов, вице-президент РАН академик В.Н. Кудрявцев, Б.М. Фирсов. Откликнулся на инициативу и Ж.И. Алферов. В июле 1999 г. появились первые документы, подготовленные для создания института, первоначально получившего название «Институт социологии общественных изменений». В январе 2000 г. Президиум РАН принял постановление о создании Социологического института. (Автором окончательного имени стал В.Н. Кудрявцев.) Голода назначили директором-организатором. Однако

путь от решения до реального появления новой институции был достаточно долог.

Сергей Исаевич (и его администрация) в действительности бились за институт. Но то не утверждались, то требовали переделки подготовленные документы, то менялась повестка дня бюрократических инстанций. Наличные формальные ресурсы команды Голода — статус директора-организатора, существующие нормативные документы, поддержка двух третей сотрудников института, — оказалось, конкурировали с ресурсами оппонентов, составлявших треть института. Это были письма в вышестоящие инстанции РАН, старые укорененные связи в различных административных структурах, кулуарные переговоры, диффамация. Как следствие — затягивание вопроса об окончательной институционализации института.

Здесь надо специально сказать, что Сергей Исаевич видел свою роль достаточно ограниченно. Он *должен был* (поскольку судьба так распорядилась, что оказался на нужном месте) попытаться создать институт, но он *не хотел* быть его директором после прохождения всех институционализирующих процедур. Административного честолюбия у него не было. Он рассматривал себя прежде всего как ученого, исследователя. Осенью 2000 г. на очередном совещании в Москве в кабинете академика-секретаря Отделения философии, социологии, психологии и права РАН академика Б.Н. Топорнина в присутствии ученого секретаря Отделения Б.И. Зеленко, В.А. Ядова и А.В. Дуки Голод прямо об этом заявил. Его стали уговаривать. Топорнин тогда сказал, что институты в Академии создаются под определенных директоров. Ядов обещал всяческую поддержку и просил хотя бы три года побыть директором. Голод согласился и поверил во всё, что ему говорили. Однако обстоятельства и люди меняются, и вскоре все обещания позабылись.

В начале 2002 г. на собрании научного коллектива два претендента боролись за поддержку институтских социологов. С.И. Голод набрал 70% голосов. Но только через год вопрос окончательно решался в Москве, и он решился не в пользу Голода. Не помогло даже письмо в Президиум РАН, подписанное большинством сотрудников. В январе 2003 г. директорство Голода закончилось. Институт состоялся, но его директор-организатор был свергнут.

Подчеркнем, что с самого начала своей административной карьеры С.И. Голод стремился создать режим максимального благоприятствования творческим началам в профессиональной работе сотрудников. Для петербургского института в середине 1990-х это было достаточно ново. Директор ввел дифференциацию премий и надбавок в зависимости от результативности научной деятельности. Суммы были маленькие и рассматривались скорее как естественная прибавка к

нищенской зарплате. И вдруг одни сотрудники получают значительно (в процентах, но не в абсолютных цифрах) больше, чем другие. Психологический эффект был сильным. Начались протесты, демонстративные акции. Но Голод был тверд. Большинство в институте согласилось с правомочностью и справедливостью этих действий. Следующий шаг — ежегодный конкурс научных публикаций и выплата премий победителям. Далее — конкурс заявок на поддержку академических проектов. По новым правилам заявка должна была проходить внешнюю экспертизу, и письменный отзыв рассматривался на ученом совете. Кроме того, сотрудники могли выбрать проект и научного руководителя. Возникла конкуренция. Вердикт зависел от профессионализма и компетенции. Создание внутренних профессиональных стандартов — необходимый, хотя подчас и болезненный процесс в институционализации науки. Безусловно, конфликтность в институте и оппозиционная активность возросли. В защиту Голода можно сказать, что и научный потенциал института возрос. Это проявлялось в появлении сильных публикаций, получении грантов. Возросло и число защит диссертаций. Ученые почувствовали значимость своего труда.

Отношение С.И. Голода к собственно научной деятельности хорошо характеризуют празднества в честь 10-летия Санкт-Петербургского филиала Института социологии. Юбилейная сессия состоялась в октябре 1999 г. Она длилась два дня. В первый день кратким вступительным словом С.И. Голод начал мероприятие, затем состоялось выступление директора-организатора филиала и его первого директора Б.М. Фирсова про историю создания филиала. А затем было два научных доклада (И.А. Голосенко и А.В. Дука). Во второй день были только научные доклады — О.В. Хархордина (Европейский университет в Санкт-Петербурге), Н.Г. Скворцова (СПбГУ) и сотрудника филиала А.В. Баранова. Для Голода 10-летие было важной датой в становлении *научного социологического сообщества* в Санкт-Петербурге. Отсюда и представленность институций, и сугубая профессиональность собрания. И, кроме того, ему было важно не столько продемонстрировать себя, сколько дать возможность коллегам показать свои научные достижения.

Деятельность Голода-администратора показывает значение лидера в «локальной» институционализации социологии. Одновременно видно и то, что деятельности лидера необходима серьезная поддержка и на локальном, и на национальном уровне. Необходима также серьезная мотивация профессионального сообщества таковым стать. Только тогда стратегические изменения могут приобрести устойчивость, рутинность. Тем не менее, сделанное Сергеем Исаевичем во многом всё же осталось с нами. Некоторая рецессия не означает деинституционализации.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Голод С.И.* Что было пороками, стало нравами: Лекции по социологии сексуальности. М.: Ладомир, 2005.
2. *Голод С.И., Кузнецова Л.В.* Социальные проблемы сексуальности. Аннотированная библиография (90-е годы XX столетия). СПб.: Социологическое общество им. М.М. Ковалевского, 2002.
3. *Голод С.И.* Семья и брак: историко-социологический анализ. СПб.: Петрополис, 1998.
4. *Bertram Gallant T., Drinan P.* Toward a model of academic integrity institutionalization: Informing practice in postsecondary education // Canadian Journal of Higher Education / Revue canadienne d'enseignement supérieur. 2008. Vol. 38. No. 2. P. 29.
5. *Clark T.N.* Institutionalization of innovations in higher education: Four models // Administrative Science Quarterly. 1968. Vol. 13. No. 1.
6. *Kagitcibasi C.* Family, self and human development across cultures: Theory and applications. (Revised second edition). Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum, 2007.
7. *Ross R.D.* The institutionalization of academic innovations: Two models // Sociology of Education. 1976. Vol. 49. No. 2. P. 146.
8. *Mucha J.* Institutionalization of sociology // Polish Sociological Review. 1998. No. 3 (123). P. 236.

А.В. Дука,
кандидат политических наук,
Социологический институт РАН

А.А. Клёцин,
кандидат социологических наук,
Социологический институт РАН